

Виктор Кокосов

«СОРОК ВОСЬМОЙ»
НЕ ПОДВЁЛ!

повесть о крылатом друге

12+

Виктор Николаевич Кокосов

«Сорок восьмой» не подвёл

(повесть о крылатом друге)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42924973

SelfPub; 2019

Аннотация

Вниманию читателей предлагается основанная на реальных событиях осени 1944 года единственная в отечественной литературе повесть о военных голубях. Крылатые бойцы специальной роты голубиной связи Красной Армии – разведчики, почтальоны, диверсанты – внесли свой посильный вклад в Победу над немецко-фашистскими захватчиками. В оформлении обложки использован коллаж Татьяны Громовой, подаренный ею автору после прочтения повести.

Содержание

I. Сентябрь 1944-го	4
II. Фронт и голуби	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

I. Сентябрь 1944-го

Несмотря на распахнутое окно, в палате было душно. Молодой выздоравливающий лётчик – обер-лейтенант¹ Генрих фон Шютце – привычным движением придвинул к себе толстую суковатую палку, больше напоминавшую дубинку, которую за пять марок раздобыл ему краснорожий санитар. «Пора! Пора отвыкать от костылей», – решил про себя Генрих, накинув предусмотрительно оставленную лежать поверх одеяла шинель, тяжело опёрся на палку обеими руками, поднялся во весь свой невысокий рост. Держась за спинку кровати, сделал шаг здоровой правой ногой, затем осторожно подтянул за ней недавно освобождённую от гипса левую ногу.

«Кажется, уже почти не болит, передвигаться можно», – подумал белокурый лётчик и, выставляя палку вперёд, заковылял в коридор. Потом, держась одной рукой за стену, а другой опираясь на палку, двинулся к лестнице.

«Да, танцевать я буду не скоро, – продолжал размышлять он, ухватившись правой рукой за перила, а левой крепко сжимая палку, – хотя упасть с такой высоты и не разбиться насмерть – уже большая удача. Как сказал главврач, герр²

¹ Oberleutnant (нем.) – обер-лейтенант – старший лейтенант.

² Герр – Herr – господин (нем.)

оберштабсарцт³ Меллер, мне повезло: приземлился в огромный стог сена, так что баронесса фон Шютце может благодарить трудолюбивых латышских крестьян за спасение сына. Остальные три члена экипажа бомбардировщика погибли».

От мыслей о матери и счастливом спасении Генриху стало веселее. Он бодро доковылял до крыльца, вдохнул полной грудью прохладный сентябрьский воздух и поискал глазами на полукруге перед главным подъездом госпиталя свободную скамейку. Ага, есть – у большой лужи! Но, чтобы добраться до неё, следовало обойти клумбу по чудной песчаной дорожке справа, минуя две другие скамейки. На одной расположились местные шахматисты, которым Генрих совсем не хотел мешать, на другой – принимали воздушные ванны пациенты из гренадёрской дивизии СС (от этой публики белая кость – офицеры люфтваффе, к которым принадлежал и фон Шютце, старалась держаться подальше).

Третья скамейка была тоже не совсем свободна – на ней сидел рыжий ефрейтор Планке, но это ничего не значило. Он не имел права сидеть в присутствии офицера без его разрешения. Тем более, все знали, что Планке с липовой грыжей просто-напросто отсиживается в госпитале, пользуясь благорасположением оберштабсарцта и прочего начальства. Потому как никто так не умел накрыть и сервировать господам офицерам и военным врачам стол, как служивший до войны

³ Oberstabsarzt (нем.) – майор медицинской службы (здесь и далее – в чашах вермахта).

кельнером в приличном берлинском ресторане Планке. Он будто бы угадывал желания господ офицеров. Вот и на этот раз, когда, поприветствовав шахматистов, буркнув в ответ «Зиг хайль» на «Хайль Гитлер!» эсэсовцев, Генрих приблизился к ефрейтору, Планке вскочил и замер по стойке смирно.

– Вольно, Планке, – махнул свободной рукой Генрих, – не стойте столбом, помогите лучше присесть.

Ефрейтор аккуратно придержал фон Шютце, пока тот медленно опускался на скамью.

– Может быть, герр обер-лейтенант желает сигарету?

– Как вы догадливы, Планке. Но моя пачка закончилась, вы же – не курите.

– О, герр обер-лейтенант, мне совсем не трудно принести вам табачный заказ, – расплылся в улыбке бывший кельнер.

– Тогда поторопитесь, – поддерживая игру «в ресторан» и также широко улыбаясь, лётчик достал из кармана шинели бумажник, вынул несколько марок и протянул деньги ефрейтору.

– Один момент! – и Планке будто испарился.

«Вот что значит вышколенная прислуга», – подумал фон Шютце. Он бы предпочёл и на войне иметь поблизости таких вот планке, а не грубых и наглых эсэсманов, которых, по мнению фон Шютце, следовало первыми гнать в атаку, чтобы они в битве с русскими медведями истребили друг друга. Тогда остались бы приличные господа и прислуга из рейхс-

комиссариата «Остланд»⁴ – всякие там латыши и эстонцы, без труда понимавшие язык великого Гёте. А побеждённых следовало не уничтожать, как делали и делают эти идиоты из НСДАП и СС, а превратить в рабочую силу. Всё справедливо и без ненужных жертв! И цыган с евреями вполне можно было не истреблять. Пусть одни пляшут и поют в ресторанах, а другие под руководством немецких учёных действуют в интересах великой Германии.

Впрочем, этими смелыми мыслями фон Шютце ни с кем не делился. Потому как его главный патрон – рейхсмаршал Геринг, хоть и не давал в обиду своих подчинённых людям зловещего Гиммлера (ходили слухи: когда Герингу сообщили, что в его окружении служит еврей, он заорал на эсэсовского генерала: «Здесь только я решаю, кто еврей, а кто нет!»), но всё-таки считался в рейхе «наци номер два», и вряд ли одобрил бы доморощенную философию обер-лейтенанта. Особенно после неудавшейся июльской попытки заговорщиков взорвать фюрера⁵.

Тем временем, сентябрьское солнышко приятно разогре-

⁴ Reichskommissariat Ostland – рейхскомиссариат «Остланд» – существовало время Великой Отечественной Войны на территориях Эстонии, Латвии, Литвы и Западной Белоруссии.

⁵ Попытку покушения на Адольфа Гитлера предпринял начальник штаба резервной армии полковник Штауффенберг 20 июля 1944 г. в ставке фюрера «Вольфшанце» («Волчье логово») под Растенбургом. Так неудачно завершился заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, имевший целью свержение нацистского правительства. Большинство участников заговора были казнены.

ло воздух. К луже, у которой стояла скамейка фон Шютце, спустилась стайка голубей. Сизари, нежно курлыкая, стали пить, чистить пёрышки...

– Кыш! Кыш! – вдруг заорал раненый лётчик, резко вскочил со скамейки, и, как назло, опершись на раненую ногу, упал.

Возвращавшийся с пачкой сигарет Планке подбежал к обер-лейтенанту и помог ему подняться.

– Вон! – размахивая палкой, орал на голубей фон Шютце. Глаза его налились кровью.

– Замри! – левой рукой лётчик вцепился в плечо кельнера, а правой, размахнувшись, метнул палку в голубей. Суковатая дубинка упала прямо посередине лужи, забрызгав осенней грязью и Планке, и фон Шютце, а голубиная стайка, вспорхнув, перелетела поближе к зданию госпиталя.

Позади лётчика раздался грубый смех.

– Ас Геринга в одиночку атаковал голубиную эскадрилью русских!

– Один на семерых!

– Его за это наградят железным крестом!

– И сразу же – дубовыми листьями к железному кресту!

– Что ты! Сразу крест с мечами, и бриллиантовыми знаками! Такой подвиг!

– Нет! Бриллиантовые знаки не дадут, поскольку он никого не сбил!

– Но противник ретировался! Устрашился нашего аристократа!

– Однако барон не оправдал своей фамилии⁶ и ни в кого не попал!

– Да! Только железный крест! Без листьев!

Фон Шютце, повернув голову, разъярённо вглядывался в лица смеявшихся эсэсовцев.

– Молчать! – крикнул лётчик, резко развернувшись на услужливо поданной бывшим кельнером палке.

– Это ещё почему? – моментально напустив на себя надменный вид, выступил вперёд старший из смеявшихся. – Не забывайте о субординации, герр обер-лейтенант.

– Извините, герр штурмбаннфюрер!⁷ – по военной привычке попытался прищёлкнуть несуществующими каблуками фон Шютце, но лишь неловко шаркнул тапочками и снова бы свалился на землю, не поддержи его услужливый Планке.

– Что взять с лётчика, сбитого голубем, – презрительно ответил эсэсовец, – лучше бы и правда подыграли доктору, который, выслушав всю историю авиакатастрофы, хотел объявить вас душевнобольным. Лучше быть солдатом, отдавшим здоровье за рейх, чем позором нации! Угробить прекрасный «хейнкель» вместе с экипажем! Конечно, позор!

⁶ Schütze (нем.) – стрелок

⁷ В войсках и службах СС нацистской Германии звание, равное армейскому-майору.

– Герр штурмбанфюрер!

– Что, герр обер-лейтенант?– издевательски уставился на Генриха эсэсовец. – Я говорю сейчас то, что думают все. Даже ваш рейхсмаршал, наверное, побагровел от гнева, когда ему доложили о проигранной голубю воздушной дуэли.

При упоминании Геринга фон Шютце сразу сник.

– Герр обер-лейтенант, – отвлёк барона ефрейтор Планке, – вы не заметили, но сигареты я сунул в правый карман вашей шинели, сдача...

– Оставьте себе, – отмахнулся лётчик. Ему было неприятно, что невоспитанный эсэсовец унизил его, да ещё и при нижнем чине.

– Благодарю, герр обер-лейтенант. Кстати, в кабинете оберштабсарцта вас ждут.

– Что? Опять осмотр на предмет психического расстройства? – вырвалось у фон Шютце.

– Нет, нет. Какой-то офицер из СД.⁸ С серьёзными полномочиями. Вот его посланец.

Только теперь фон Шютце заметил стоявшего в почти-тельной, явно неуставной позе, фельдфебеля. «На вид около тридцати лет, фельдфебель, а форма сидит на мешковатой фигуре как кавалерийское седло на собаке. И куда смотрел его ефрейтор, когда парень был новобранцем?», – с чисто немецкой привычкой всё замечать и раскладывать по пунк-

⁸ СД – Sicherheitsdienst – нацистская секретная служба безопасности, разведывательное управление СС.

там отметил про себя Генрих и спросил:

– В чём дело?

– Брифтаубенмайстер⁹ Кюхельгартен, герр барон! – представился фельдфебель. – Прибывший с секретным поручением гауптман Цоллер просит Вас пройти в кабинет главного врача для важного разговора.

Эсэсовцы дружно захохотали, а усевшийся было на своё место штурмбанфюрер, переломившись пополам, буквально кудахтал, заикаясь от смеха:

– Нашему асу вышло повышение!

– И заметьте, по прямому назначению, герр штурмбанфюрер, – поддакнул кто-то из младших эсэсовцев.

– Да! Да! Он возглавит целую голубиную эскадрилью! Наверняка назначат заведовать станцией голубиной почты где-нибудь в фатерланде!

– Где летают мирные немецкие птички, а не страшные русские голуби-истребители!

– А этого пентюха-голубевода переведут на его место. Толстомордый – командир «кривомордого»!¹⁰ Неплохо! По крайней мере, голубевод сумеет отогнать птичек от самолёта и не потеряет бомбардировщик! – не унимался штурмбанфюрер.

Фон Шютце в ярости уставился на Кюхельгартена. Но его

⁹ Brieftaubenmeister (нем.) – брифтаубенмайстер – голубевод-фельдфебель.

¹⁰ «Хейнкель-111» фронте прозвали «кривомордым» за характерный асимметричный нос.

круглое добродушное лицо ничего, кроме почтительности, не выражало. Барон сделал вид, что не расслышал оскорбительных комментариев со скамейки. Гордо подняв голову, выпрямив спину, обер-лейтенант сунул палку под мышку, будто трость, и с надменным видом средневекового феодала направился вслед за фельдфебелем к зданию госпиталя, подерживаемый под руку рыжим Планке и сопровождаемый смехом эсэсовцев.

...В просторном кабинете оберштабсарцта Меллера всё сияло чистотой, так что старый форменный офицерский плащ на вешалке у входа выглядел попрошайкой, скромно ждущим подачки, в этом надраенном санитарями обществе блестящих вещей и предметов. Гауптман¹¹ Рихард Цоллер в такой же выдавшей виды форме стоял у окна и с нескрываемым интересом наблюдал сцену ссоры фон Шютце с эсэсовцами. Причём его внимание привлекли не люди, – разговора он, естественно, слышать не мог, – а голуби. И это тоже было понятно – на правой руке офицера, облачённой в толстую кожаную перчатку, сидел, мелко перебирая лапами с острыми когтями, крупный ястреб-тетеревятник в коричневом клобучке, закрывавшем глаза.

– Ну, Фридрих, считай, что скоро ты сможешь размять крылья и полакомиться, – обращаясь к хищнику, удовлетворённо произнёс Цоллер. И отозвавшись «Да!» на стук в

¹¹ Hauptmann (нем.) – гауптман – чин, равный капитану в Красной Армии.

дверь, с галантным полупоклоном повернулся к входящим:

– Здравствуйте. Проходите, герр обер-лейтенант, присаживайтесь, – вежливо предложил он фон Шютце, указав свободной левой рукой на стул, заранее приставленный сбоку к массивному письменному столу. – Давайте сразу определимся: в моём лице местный отдел СД не считает вас сумасшедшим. Наоборот. Мы считаем инцидент правдивым. Нас интересуют все подробности происшедшего. Расскажите, пожалуйста, всё с самого начала, не упуская самых ничтожных, на ваш взгляд, деталей.

– А вы, Макс, – обратился он к Кюхельгартену, – возьмите Фридриха Великого и прогуляйтесь. Я только что видел у госпиталя стайку голубей.

– Я понял вас, герр Цоллер, – расплылся в улыбке фельдфебель.

Пока гауптман передавал птицу подчинённому, фон Шютце вздохнул, и, опустившись на стул, начал невесёлый рассказ о своём последнем боевом вылете. Вскоре Цоллер, удобно развалившись в кресле оберштабсарцта, стал даже не записывать, а, судя по скорости, с которой делал пометки, стенографировать слова лётчика в толстый блокнот, постоянно задавая уточняющие вопросы.

Он в очередной раз помнил то, что и раньше прекрасно знал: бомбардировщик «Хейнкель-111» обер-лейтенанта фон Шютце произвел взлёт с аэродрома в 19.18, когда начало смеркаться – дальнюю бомбардировочную авиацию, что-

бы избежать ненужных потерь, использовали в тёмное время суток. Задание командования в итоге оказалось невыполненным. Мало того: во время взлёта самолёт был атакован неизвестным объектом. «Хейнкель» сгорел. Командир – барон фон Шютце – выпрыгнул на парашюте, который не раскрылся. Остальной состав экипажа погиб. Конечно, гауптмана интересовало не это, а объект, который атаковал воздушный корабль. Но, по привычке опытного разведчика, он фиксировал всё, сказанное во время официальной беседы.

– Мы только начали взлетать, герр гауптман, как я заметил голубя, севшего на левое крыло моего самолёта. Я не придавал этому особого значения, но вдруг загорелся топливный бак. Я дал команду экипажу покинуть самолёт и выпрыгнул, но парашют почему-то не раскрылся.

– Расскажите о голубе подробнее! – приказным тоном распорядился Цоллер.

– Это был самый обычный сизый голубь, герр гауптман, — недоумевающе уставился на него фон Шютце.

– Возможно, вы видели нескольких голубей?

– Нет, только одного.

– А вы слышали, что в тот же вечер у аэродрома взорвалась цистерна с топливом?

– Нет. Меня, сразу как нашли, увезли в госпиталь. Потом приходили брать объяснения, и только спрашивали, но ничего не рассказывали.

– Хорошо. Продолжим беседу...

Два часа спустя бежевый «опель» увёз странных гостей вместе с ястребом в направлении Риги. Стоя у подъезда, вышедший проводить их обер лейтенант с каким-то злорадным удовлетворением наблюдал, как ветер гоняет между скамейкой и лужей несколько комков слипшихся в крови голубиных перьев.

Барон повеселел и от обещания гауптмана реабилитировать лётчика перед боевыми товарищами и начальством, так как он стал, по словам Цоллера, жертвой изошрённой диверсии русских. Так что он ещё повоюет!

II. Фронт и голуби

– Ну, докладывай, мой хороший, как дела, – поглаживал сизаря, привычно усевшегося на левое плечо, а, точнее, на левый погон с тремя лычками, немолодой и совершенно седой начальник голубиной станции Иван Трофимович Петров. – Я вот, хоть природой ростом не обижен, далеко гляжу, а ты, маленький – да высоко летаешь. Куда как дальше глядишь сверху. Рассказывай, рассказывай.

Голубь закурлыкал в ответ, будто и вправду делился с человеком своими последними птичьими впечатлениями об окружающем мире.

– Вот и я говорю: дела идут хорошо! Видишь, распогодилось, тепло, листья ещё зелёные! – кивал седой головой Петров. – Сейчас окончательно выгоним фрицев из Прибалтики, а потом и на Берлин двинемся.

– Курлы-курлы, – соглашался сизарь.

Так, мирно беседуя, они прогуливались возле странного сооружения, устроенного в безопасном отдалении от переднего края на околице деревни, нерусского названия которой Петров никак не мог запомнить. Впрочем, любой наблюдательный человек без труда мог опознать в сооружении обычную голубятню. В просторном двухэтажном домике-клетке, установленном на четырёх высоких столбах и надёжно за-

бранном частой железной сеткой, разгуливали десятка три голубей.

– Иван Трофимович! – окликнул сержанта незаметно подошедший капитан. – Опять со своим любимцем «сорок восьмым» беседуете?

– Тихо! Ротный! – шепнул голубю Петров, аккуратно сняв его с плеча и застыл по стойке смирно, но не по Уставу: с прижатой к груди птицей.

– Вольно! Вольно, Иван Трофимович! Вторую войну вместе. Так что прекрати эти «так точно», не на плацу, – полный мужчина среднего роста, – на вид лет пятидесяти, – капитан Михаил Петрович Якиманов – прямо-таки плюхнулся на лавочку и кивком пригласил Петрова присесть рядом. – Тёплый сентябрь. Ты вон, я погляжу, тоже в одной гимнастёрке ходишь.

– Минутку, товарищ капитан. Только подсажу «сорок восьмого» к товарищам, – улыбнулся сержант, направляясь к лестнице, ведущей на голубятню.

– Давай, давай, – Якиманов достал из кармана галифе носовой платок, снял фуражку, тщательно вытер пот с гладко выбритой головы. – Ну и припекает сегодня.

– Последние тёплые деньки сорок четвёртого! – присел на другой конец скамейки сержант. – Для всей нашей голубиной роты погода – класс! Летай – не хочу!

– Вот именно! Погода подходящая! И для твоей станции особенно!

– Это почему же?– насторожился Петров.

– Секретное дело есть.

– Да вы как командир лучше моего знаете, что у нас все дела секретные. То голубеграммы в штабы доставляем, то чем поважнее занимаемся.

– Я как раз насчёт того, что «поважнее» и пришёл. Сам пришёл, не вызвал, потому как дело, повторюсь, совершенно секретное и связанное с проведением разведки в тылу противника.

– «Сорок восьмого» не дам! – Вскочил со скамейки Петров.

– Да чего ты взвился, Трофимыч! – искренне удивился Якиманов.

– Кроме него никто из моих голубей сейчас вам не подойдёт. Он – самый умный и самый лучший! У меня почти все остальные – молодняк малообученный. Кто виноват, что у фрицев хищник какой-то объявился.

– Ты про последние случаи? Это, наверное, из леса. Ястреб.

– Может, и ястреб. Только не лесной. Война в лесу давным-давно всех распугала: и пичуг, и хищников. Даже ворон нигде не видно.

– Ты хочешь сказать, что немцам сейчас делать нечего, как за нашими голубями гоняться?

– А они за ними с первых дней войны гонялись. Помните, сами мне рассказывали! Пока вы рапорты о возрождении го-

лубиной службы подавали, фашисты повсюду, куда входили, голубей изымали, а пролетающих над расположением частей птичек расстреливать предписывали.

Капитан согласно кивнул: это была чистая правда. Немцы, уверенные в быстрой победе над восточными варварами, хотя и не взяли в Россию станции голубиной почты, были прекрасно осведомлены о возможностях поддерживать связь при помощи хорошо обученных почтовых птиц. Голубеграмма – не телефонный разговор, не радиошифровка! Никаким прибором не прослушаешь и не перехватишь! Поэтому захватчиками строжайше предписывалось в каждом занятом населённом пункте: голубеводам – сдавать своих питомцев в комендатуру под угрозой расстрела. А уж когда «солдаты фюрера» столкнулись с действиями партизан, использовавших для связи, в том числе, и голубей, от угроз перешли к реальным расстрелам непослушных владельцев голубей и уничтожению птиц. Всех! Даже не почтовых! Им даже в ничейных городских и деревенских сизарях партизанские связные мерещились!

– А почему мы голубиные атаки на вражеские аэродромы недавно прекратили? Фашисты тренированных соколов или ястребов, будь они неладны, завели! – не унимался старый голубевод. – Сколько птиц побили крылатые бандюганы!

– Ладно, Трофимыч, – капитан поднялся с лавочки и привычным движением оправил гимнастёрку. – Атаки, как ты знаешь, мы прекратили из-за того, что молодняк ещё плохо

обучен. А потери у нас... – капитан вздохнул, – потери всегда очень большие были. Что ни операция – до двух третей всех птиц. Не буду ходить вокруг да около, тем более, что сам знаю немногим больше тебя. Собирайся, поедem в штаб армии. Туда приехал какой-то секретный человек, говорят, чуть ли не из Ставки, нас требует. Я так полагаю, будет какое-то задание. А кто его лучше вас с «сорок восьмым» сможет выполнить?

– Это верно, – согласился Петров и кликнул солдата-голубевода, чтобы дать подробные наставления перед отъездом. – Только это всё очкастый корреспондент виноват.

– Журналист? Почему? – удивился Михаил Петрович, поправляя ремень с планшеткой.

– Сами знаете, – сержант вынул из кармана гимнастёрки потёртый кожаный плоский очешник, извлёк из него металлические очки, сложенную вдвое картонку, в которой оказались фотография маленькой девочки и вырезка из газеты.

– Вот, если забыли, что написали про нас в «Красной звезде», – Иван Трофимович водрузил на нос свой старенький «оптический прибор» и с выражением прочёл:

«Важные задачи выполняют на фронте подвижные почтово-голубиные станции. За годы войны они проделали очень большую работу. Только за один месяц тысяча девятьсот сорок четвёртого года голуби подразделения капитана Якиманова доставили с передовых позиций в тыл более двух тысяч боевых донесений. Всего за годы войны почтовыми голубя-

ми уже доставлено около 15000 голубеграмм».

– Помню эту заметку. И что ж? – недоумённо посмотрел на Петрова ротный.

– А то, что работали мы себе потихоньку под командованием начсвязи корпуса, вдали от большого начальства и всяких там «органов», и ладно. А в Москве прочитали – и вспомнили про нас... – продолжал бурчать голубевод, всегда старавшийся

держаться от любой власти подальше. А всех разведчиков, особистов, даже политруков считал людьми «из органов» и даже с замполитом роты старался, по-возможности, избегать всякого общения.

– Трофимыч, ты же образованный человек, реальное училище окончил, хоть и работал столяром после Гражданской. Забыл, что мы вместе ещё в Первую мировую голубиной почтой занимались? Сколько раз к нам разведка обращалась!

– Как не помнить: только я на станцию попал, на вас Указ государя-императора вышел: в прапорщики¹² произвели и «клюквой»¹³ наградили за вовремя доставленное донесение разведки, – на всякий случай, оглянувшись – не слышит ли кто? – понизил голос сержант.

– А не стань я офицером, кто бы за тебя вступился, когда

¹² Первый офицерский чин в русской императорской армии.

¹³ Императорский орден Святой Анны IV степени представлял собою красный крест на эфесе холодного оружия («клюква») с темляком (т.е. петлёй) из орденской ленты.

ты под Ригой на немке женился? – обиделся Михаил Петрович. – Помнится, в контрразведке это многим не понравилось. Пришлось жену с тётшей в Москву отправлять. И знаешь, не ляпни где-нибудь, особенно в штабе армии московскому начальнику, про прапора. Мне эту звёздочку и так всю жизнь припоминают!

– Они просто не знают, что вам потом и вторую дали, сделали подпоручиком¹⁴, – философски заметил Петров. – А вот моя жена умерла родами в восемнадцатом, Царствие ей небесное! Тёща в тридцать пятом преставилась. Так что никто мне ничего не припоминает. Хотя лучше бы припоминали, да Аня со мной была.

– Вот видишь, нам обоим лучше держать язык за зубами, – подвёл итог воспоминаниям Михаил Петрович. – А насчёт того, что нас вспомнили... Да где надо, – проговорил капитан с ударением на последних словах, – никогда и не забывали! В сорок первом, когда нашу службу, после финской войны хотели расформировать, пришлось мне с письмом в Главное разведуправление РККА обращаться! Так что с тех пор мы под крышей «шоколадного дома».

¹⁴ Второй офицерский чин в русской императорской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.